

ХОДОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Научно-фантастический рассказ

Транспланетный рейдер «Вихрь» готовился к старту ходовых испытаний. Матово поблескивая черным бронированным корпусом, он лежал на стартовой площадке, нацелившись острым носом на Полярную звезду, а под ним неторопливо вращалась тороидальная громада старт-спутника, казавшаяся снежно-белой в ярких лучах космического солнца.

Командир рейдера Ларин, опоясанный страховочными ремнями, сидел за ходовым пультом, то и дело поглядывая на циферблат хронометра.

В ходовой рубке было непривычно тихо, сиротливо стояли пустые кресла вахтенной группы. Ходовые испытания есть ходовые испытания. Они проводятся по однообразной и простой программе в непосредственной близости от старт-спутника. Привлекать для ее выполнения весь экипаж нет никакого смысла, особенно если учесть известный элемент риска. Вот почему в ходовой рубке рейдера так пустынно и тихо, вот почему экипаж гигантского корабля сейчас до смешного мал: командир да инженер-оператор, разместившийся далеко от него, в кормовом отсеке, у самого сердца рейдера — плазменного реактора.

— Вихрь, я Спутник, — послышался неторопливый бас руководителя испытаний. — Как меня слышите?

— Вихрь на приеме. Слышу хорошо, — ответил Ларин.

— Андрей Николаевич, — проговорил руководитель, подчеркивая этим обращением неофициальность разговора, — вы опаздываете с запуском уже на две минуты.

— Опаздываем, — невозмутимо согласился Ларин.

— Вы бы поторопили своего Шегеля!

Ларин усмехнулся:

— Пусть повозится. Я предпочитаю, чтобы экипаж возился до старта, а не после него.

— Всему есть пределы! — сердито сказал руководитель испытаний и отключился.

Ларин снова усмехнулся, подумал и перешел на внутреннюю связь.

— Как у вас дела, Олег Орестович? — спокойно спросил он.

— Все в порядке, — флегматично пропел тенорок Шегеля. — Ну и намудрили же конструкторы с замком для ремней!

— К старту готовы?

— Готов! — бодро откликнулся оператор.

Ларин перешел на внешнюю связь.

— Спутник, я Вихрь. Прошу запуск.

— Вихрю запуск разрешаю, — удовлетворенно пробашил руководитель испытаний.

— Понял, — ответил Ларин и подал команду оператору: — К запуску!

— Есть к запуску! — откликнулся Шегель.

Пока оператор делал подготовительные включения, Ларин уселся в кресле поудобнее, подтянул привязные ремни и внутренне подобрался — запуск плазменного реактора не шутка. Эти компактные сверхмощные ядерные машины открывают перед космонавтикой невиданные перспективы, но они еще полны эксплуатационных загадок. Иногда на них «находит» и они начинают капризничать, да так капризничать, что становится жарко. Недаром испытания плазменных реакторов разрешены только в космосе на высоте не менее трехсот километров от Земли. Только после двухчасовой обкатки о годности реактора можно составить определенное мнение. Для этого, собственно, и проводятся ходовые испытания.

— Реактор подготовлен, — доложил Шегель.

— Запуск!

Ларин откинул пластмассовый предохранительный колпачок и нажал пусковую кнопку. Вот и все действия, которые должен выполнить командир, остальное — дело автоматики. Ларин смотрел на контрольное табло, на индикаторах которого одна за другой проходили управляющие команды. Подчиняясь этим командам, из горячей зоны реактора в строго рассчитанном темпе выходит сетка стоп-устройства, и в нем начинает циркулировать могучий плазменный поток. Мощность его должна быть строго определенной, чуть меньше — реактор недодаст десятки процентов энергии, чуть больше — плазма пробьется сквозь защиту, и реактор начнет капризничать. Ну, а если плазма повредит автоматику, то будет совсем худо. Но если думать об этом, то лучше вообще не садиться в кресло испытателя.

Размышления Ларина прервала контрольная лампа реактора, — сигнализируя о нормальном запуске, она вспыхнула ярким зеленым цветом. Ларин облегченно вздохнул, поправил наушники и стал ждать доклада Шегеля. Нормальный запуск — понятие относительное. Только оператор, вооруженный специальными приборами и еще более специальными знаниями, может дать окончательное заключение о работе этой сложнейшей ядерной машины. Прошло десять секунд, потом еще десять. Ларин нетерпеливо шевельнулся и уже собрался было запросить, в чем дело, когда послышался спокойный тенорок Шегеля:

— Не нравится мне реактор, Андрей Николаевич.

Брови Ларина сдвинулись.

— А конкретнее?

— Во время запуска было три заброса активности и сбой с повторением операции.

Ларин слушал оператора с большим вниманием. Конечно, Шегель еще далеко до классного оператора-космонавта, в нем крепко сидит закваска кабинетного ученого, зато он великолепный знаток своего дела. И, как показывает история, научные работники, совершающие звездный рейс, быстро становятся опытными летчиками-космонавтами. Помогают знания, умение аналитически мыслить, спортивная закалка. Шегель, кроме всего, один из соавторов проекта ходового плазменного реактора, знает его, как самого себя. Когда оператор обстоятельно высказал все, что он думает о капризах своенравной машины, Ларин невозмутимо спросил:

— Каковы ваши предложения?

— Предложения? — с ноткой недоумения переспросил Шегель.

— Предложения, — подтвердил Ларин. — Будем продолжать испытания или стоп реактору?

Шегель кашлянул и замаялся. Да Ларин и сам хорошо знал, как это непросто произнести сакраментальные слова — стоп реактору! Ну хорошо, во время запуска реактор прибахрил, но он все-таки вышел на рабочий режим. А сейчас поди-ка узнай — есть там неполадки или нет. Если бы это было известно заранее, незачем было бы проводить и сами испытания, результатов которых, прямо-таки сгорая от нетерпения, ждет куча специалистов. Да и не только специалистов.

— Стоп реактору — это, конечно, слишком, — проговорил наконец Шегель, — а вот прогнать его на всех режимах, вплоть до форсажа, стоит.

— Резонно, — согласился Ларин и нажал кнопку внешней связи.

— Спутник, я Вихрь. Имею арегулярность работы реактора в пределах допусков. Прошу пробный выход на форсаж.

— Понял, ждите.

Через десяток секунд послышалась скороговорка главного плазменника:

— Вихрь, прошу на связь оператора.

— Оператор слушает, — отозвался Шегель.

— Что там стряслось, Олег Орестович?

Между инженерами начался оживленный разговор, столь густо пересыпанный специальными терминами, что разобраться в нем могли лишь посвященные. Ларин вначале с интересом прислушивался, потом потерял нить рассуждений, запутался и заскучал. Нечаянно, боковым зрением он заметил, как контрольная лампа реактора, горевшая зеленым светом, вдруг сменила его на желтый и начала мерно мигать. Секунду Ларин смотрел на нее, ничего не понимая. Потом с некоторым усилием воспринял случившееся: реак-

тор вышел на форсаж! Вышел на форсаж, хотя Ларин слышал все еще продолжавшуюся дискуссию о том, можно ли и целесообразно ли производить эту операцию! Что-то случилось. Что? Неисправность сигнализации? Ошибочное механическое действие Шегеля? Или самопроизвольное возрастание активности?

— Оператор, — вклинился он в разговор специалистов, — проверьте режим реактора!

— Режим? — удивился Шегель и замолчал.

— Реактор на форсаже, — удивленно доложил он через секунду, — это вы включили?

Этот вопрос разом поставил все на свои места. У Ларина екнуло сердце и засало под ложечкой. Страх, самый обыкновенный страх — случилось самое неприятное из того, что может случиться на ядерном корабле: реактор пошел вразнос, подбираясь к бесконтрольной работе, которую закономерно венчает сверхмощный взрыв. Привычным, давно отработанным усилием воли Ларин загнал этот страх в самые подвалы подсознания. С этого момента Ларин словно раздвоился. Один Ларин, командир рейдера и опытейший испытатель, действовал четко, продуманно, не теряя напрасно ни одного мгновения. Другой, живой, теплый, чувствующий Ларин, смотрел на него со стороны и не верил в происходящее! Авария реактора? Но этого не может быть? Не может наяву случиться такая нелепость!

— Стоп реактору, — коротко приказал Ларин и вышел на внешнюю связь. — Спутник, я Вихрь. Авария реактора. Тревога!

— Что вы говорите?! — изумился главный плазменник.

В наушниках что-то клацнуло, видимо, это руководитель испытаний задел за тангенту, выхватывая из рук инженера микрофон.

— Спутник понял, — послышался его торопливый голос. — Объявляю тревогу!

Ларин следил за контрольным табло. На индикаторе одна за другой пробежали стоп-команды: первая, вторая, третья. Ларин был уже готов сбросить с плеч невидимый тяжкий груз. Но четвертая? Четвертая, главная?! Зависла, проклятая! Неужели автоматику успело сжечь?

— Отказ стоп-системы, перешел на аварийную, — с некоторым недоумением доложил Шегель.

Он еще не осознал до конца, что произошло.

— Тревога объявлена, — послышался подчеркнуто спокойный голос руководителя.

Ларин знал, что скрывается за этим спокойствием: пронзительный вой сирен, яркие мигающие надписи «Ядерная тревога!», вереницы людей, спешащих под защиту лучевых экранов, щелканье герметически закрывающихся переборок и молчаливые сосредоточенные спасатели, натягивающие скафандры высшей защиты.

А четвертая, решающая команда снова зависла, зависла, проклятая!

— Отказ аварийной, перешел на дубли! — прохрипел Шегель.

Вот когда случившееся стало раскрываться перед ним во всей своей грозной неотвратимости.

— Вихрь, я Спутник. Уточните ситуацию.

— Ждите! — отрезал Ларин.

Он не спускал глаз с контрольного экрана. Сейчас, за считанные мгновенья должна была решиться судьба «Вихря». Единственный шанс оставался для его спасения. Шегель привел в действие дубль-аварийную стоп-систему. Она срабатывает напрямую, от аккумуляторов, минуя блок автоматики. Все четыре стоп-команды при этом проходят разом. Правда, реактор после этого подлежит обязательной переборке, зато вероятность срабатывания стоп-системы возрастает во много раз. Если сетку не успело сжечь, реактор остановится.

Но он не остановился.

— Отказ дубля! Реактор вышел из-под контроля! — выкрикнул Шегель.

Все, рейдер обречен. Взрыв реактора неизбежен. Теперь Ларин должен сделать так, чтобы этот взрыв наделал как можно меньше бед.

— Спутник, я Вихрь. Реактор вышел из-под контроля. Обеспечьте старт.

— Понял. Старт разрешаю.

Ларин снял рейдер со стопоров и выжал ходовую педаль. Легкая перегрузка, и стрелки приборов дали знать, что корабль тронулся с места.

— Реактор вышел из-под контроля! Вы меня поняли? Реактор вышел из-под контроля! — кричал между тем Шегель. Похоже — сорвался и потерял голову. Да разве мудро? Ядерный взрыв неизбежен. Только спокойно, от старта спутника надо отойти на самом малом ходу, а то выходная струя двигателя наделает бед.

— Понял, Олег Орестович, — возможно более будничным тоном ответил он Шегелю, — реактор вышел из-под контроля. Сколько до взрыва?

— Мало! Реактор неуправляем!

— Точнее, сколько до взрыва? — холодно сказал Ларин.

— Это... это надо посчитать по производным.

— Посчитайте.

— По... понял.

Старт-спутник остался в стороне. Ларин повернул рейдер на маяк входных ворот зоны испытаний и прибавил ходу.

— Я Вихрь. Освободите первую зону.

— Зона свободна.

Теперь остались пустыни. Надо катапультировать экипаж, пройти ворота зоны, дать кораблю самый большой ход и катапультироваться самому. В защитной капсуле. Остальное дело спасателей.

— Я Вихрь. Готовьтесь принять оператора.

— Понял. Спасательный бот следует за вами.

Хотя бы раз использовался этот бот по прямому назначению? А теперь пробил и его час, придется лезть в самое пекло. Как только не называли этот маленький кораб-

лик охочие до шутки и острого словца космонавты! Колобок, черепаха, бронтозавр. Истинно колобок, корпус у него больше метра толщиной, он и термоядерное облако проскочит.

— Командир, до взрыва сто девяносто плюс-минус пять секунд, — четко доложил Шегель.

Молодчина, взял себя в руки! Ларин пустил секундомер и вышел на внешнюю связь.

— Я Вихрь. Подхожу к зоне. Имею резерв три минуты.

— Понял, три минуты.

Большая стрелка десятисекундника резво бегала по циферблату.оборот — десять секунд, оборот — десять секунд. Еще семнадцать оборотов успеет она сделать, а потом «Вихрь» превратится в раскаленное ничто, в маленькое злое солнце, испепеляющее все вокруг.

— Бот, я Вихрь. Готовьтесь принять оператора.

— Я бот, понял. Иду рядом, слежу за вами.

— Андрей Николаевич, — послышался возбужденный голос Шегеля, — есть выход!

Это было как гром с ясного неба!

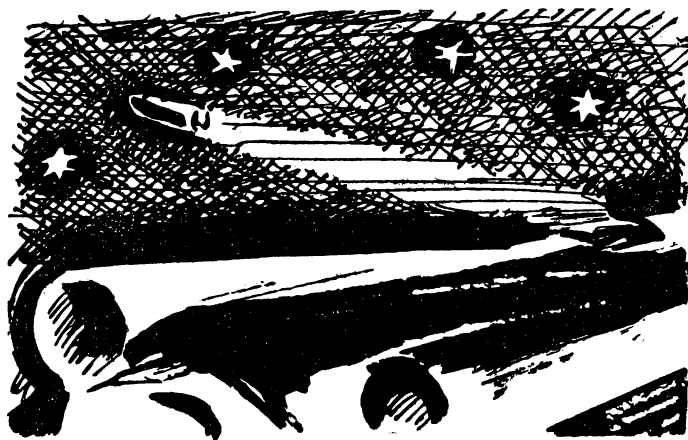
— Выход? — оторопело переспросил Ларин.

— Можно попробовать «заморозить» реактор ходом. Форсажным ходом! Гарантия успеха — процентов тридцать!

— Понял! Все понял!

Как это просто! Почему он сам не додумался до этого? Почему до этого вообще никто не додумался раньше? Может быть, потому, что «замораживать» аварийный реактор это все равно что ходить по краю пропасти с завязанными глазами?

При разгоне корабля из горячей зоны реактора с колоссальной скоростью выбрасывается плазма, а поэтому активность этой зоны на ходу заметно меньше, чем при холостой

работе, когда плазма «варит» саму себя без всякой полезной отдачи. Это все давно известно. Если, например, с места резко дать сразу максимальный, форсажный ход, то утечка плазмы будет такой большой, что температура горячей зоны может упасть ниже нормы, и тогда термоядерная реакция прекратится. Реактор остановится, «замерзнет», как говорят специалисты.

Да, все это давно известно, но вот Шегеля озарило, и он понял, что «заморозить» можно не только нормальный реактор, но и находящийся в аварийном состоянии. А почему бы и нет? Попытаться сбросить готовую взорваться, закрытческую плазму через рабочее сопло, гонять рейдер на форсаже до тех пор, пока не «замерзнет» реактор! А уж если ничего не выйдет, то в самый последний момент катапультироваться в защитной капсуле. Конечно, полностью от проникающей радиации она не защитит и он получит добрую порцию рентген, но ведь для чего-то существует и медицина! А разве красавец рейдер, над созданием которого три года работали лучшие инженеры Земли, не стоит риска?

Да, это будет не надежная, точно рассчитанная операция, а бег по краю пропасти, риск, расчет на удачу, играл! Даже не игра, а бой. Встречный бой со стихией, рвущейся на свободу из-под контроля человека. Вряд ли честно от этого боя уклоняться.

— Командир, рискнем? — азартно спрашивал Шегель.

Ларин бросил взгляд на секундомер. Время еще есть, две с лишним минуты. И принял решение.

— Бот, я Вихрь. Катапультирую оператора.

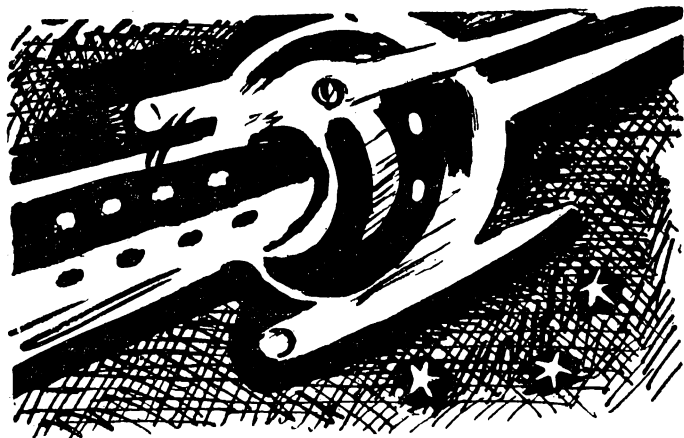
— Понял, готов.

Какое-то мгновение Ларин помедлил.

— Олег Орестович, катапультируйтесь.

— А... а вы?

Рисунки Б. ДОЛЯ

— Попробую «заморозить» реактор.

— Но это... это нечестно! Реактор мое дело! Я остаюсь! Он прав, он тысячу раз прав! И все-таки Ларин не мог оставить его на борту. Дело было даже не в человеколюбии и благородстве. «Замораживание» аварийного реактора требовало отдачи всех душевных сил, до капли, без остатка, выхода на самую грань возможного. Одним своим присутствием на борту Шегель связал бы ему руки. Ларин не сделал бы и половины того, на что был способен.

— Оператор, — решительно сказал он, — немедленно катапультируйтесь.

— Понял, — дрожащим от обиды голосом ответил Шегель.

Послышался легкий щелчок — это были отстреляны узлы крепления оператора, а потом хлопок. Ларин проследил по экрану за траекторией полета капсулы и, убедившись, что все в порядке, облегченно вздохнул. Все. Он остался на корабле один.

— Бот, оператор катапультирован. Меня не ждите.

— Вихрь, я бот. Вас не понял!

Ларин не стал повторять, не было времени.

— Спутник, я Вихрь. Имею резерв две минуты. Стартовую, пробую «заморозить» реактор.

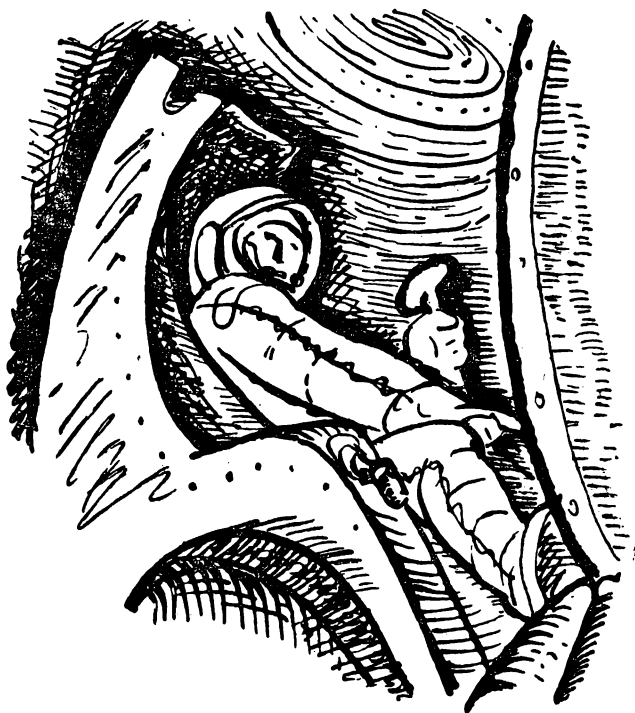
И хотя все уже было решено, какое-то короткое мгновение Ларин помедлил. Не то чтобы он колебался, пути назад не было! Просто бой за рейдер требовал отличной формы, надо было привести себя в порядок, собраться. Так медлит штангист, уже нагнувшись и обхватив гриф штанги с рекордным весом.

— Вихрь, вам одна минута. Затем срочное катапультирование!

— Понял. Пошел, не мешайте.

Ларин энергично выжал ходовую педаль. Тело сразу наполнилось свинцом, отяжелели веки, отвисли щеки, в глазах поплыл туман... а вот и темнота! Мгновение, и Ларин убрал ногу с педали. Рейдер рывком вышел на малый ход, провал в сознании длился доли секунды. Так и было задумано. Однако желтая лампа реактора мигает по-прежнему. А ну еще раз!

Да. Так и было задумано. Ларин сознательно шел на риск, на тонкое балансирование на самой грани дозволенного. Он знал, что сбить накал реактора, а потом и «заморозить» его можно только максимальным ускорением. Надо было жать на ходовую педаль, жать до потери сознания в самом буквальном смысле этого слова. Но в самый последний, критический момент надо было остановиться! Стоило пропустить это мгновение, стоило чуть затянуть перегрузку, как темнота в глазах могла перейти в полную потерю сознания, а в такой обстановке это равносильно катастрофе. Такая балансировка на самой грани допустимой перегрузки была смертельно опасной, требовала абсолютного самообладания и уверенности в себе, но только она одна и повышала существенно вероятность успеха этого боя.

Ларин сделал не менее десятка попыток, когда, вынырнув из темноты мгновенного небытия, заметил на приборной доске уже не желтую, а зеленую контрольную лампу. Он так сбил накал реактора! Ларин прокричал «ура», и в тот же самый момент до его слуха донесся подчеркнуто спокойный, требовательный голос руководителя испытаний:

— Ларин, я Спутник. Катапультируйтесь. Ларин, срочно катапультируйтесь.

Все, резервное время кончилось. Надо было выходить из боя. И это в тот самый момент, когда удалось сбить накал! Лучше бы тогда и не начинать, легче было бы бросить корабль. Ведь Ларин уверен — еще немного, и реактор «замерзнет». А так все напрасно: термоядерная реакция не прекратилась, плазма продолжает генерироваться, и стоит дать реактору небольшую передышку, как он снова выйдет на закритический режим!

А что, если попробовать? Еще раз?

— Ларин, почему молчите? Срочно катапультируйтесь! Один-единственный, последний раз!

— Ларин, срочно катапультируйтесь!

Нет, преступно не использовать последний шанс! Ларин щелчком выключил радиостанцию — ведь просил не ме-

шать — и снова энергично выжал ходовую педаль. Когда потемнело в глазах, он не отпустил ее, как делал это в прошлых попытках, а еще чуточку прижал. Ту самую чуточку, которой, может быть, и не хватало все это время. Он ведь знал, что реактор вот-вот «замерзнет»!

Очнулся он не сразу, а словно просыпаясь после глубокого сна. Очнулся и некоторое время недоуменно смотрел на приборную доску. Потом разом вспомнил все, и сердце у него екнуло — значит, все-таки не удержался на тонкой грани дозволенного! Глаза его привычно обежали контрольные приборы и остановились на ярком красном огне. Это был злой, угрожающий сигнал. Глядя на него, Ларин понял, что проиграл бой. Проиграл в самый последний момент, когда победа была рядом, рукой подать. Проиграл бездарно — перестарался. Пока он был без сознания, реактор успел выйти на закритический режим. Взрыв мог произойти буквально каждый миг, катапультироваться было бессмысленно.

Странно, но Ларин не испугался. Он слишком измотался. Чувства его притупились так, словно по ним прошлись грубым рашпилем. Глаза заливал пот, от перегрузок ныли кости, голова была тяжелой, как после бессонной ночи. Что взрыв? Это нестрашно. Он ничего не успеет почувствовать. Просто исчезнет. В тысячные доли секунды температура подскочит до нескольких сот миллионов градусов. Все испарится — реактор, рейдер и он, Ларин. Все превратится в перевозанные атомы. Ларин закрыл глаза и обессиленно откинулся на спинку кресла.

И вдруг теперь, когда борьба была уже завершена, когда Ларину ничего больше не оставалось, как сидеть и ждать неизбежного, страх смерти внезапно и властно затопил каждую клеточку его большого, живого тела! Он не хотел умирать. Это было жестоко и несправедливо! Стискивая челюсти до боли в зубах, Ларин из последних сил сдерживал ужас перед небытием. «Скорее же, скорее!» — торопил и молил он ядерный взрыв. Но взрыва все не было. Тогда он открыл глаза и как в тумане увидел перед собой приборную доску. Пот заливал глаза и мешал видеть. Ларин тряхнул головой и почувствовал, как бешено, мощными толчками забило сердце. Контрольная лампа реактора не горела. Не горела совсем! Реактор «замерз»! Красный сигнал горел на щитке командной радиостанции. Он горел потому, что его звал и никак не мог дозваться старт-спутник. Только измотав себя перегрузками, Ларин мог попасть в такой просак!

Ларин потянулся к выключателю радиостанции, но рука не послушалась. Она была чужой, незнакомой, она крупно дрожала, и Ларин ничего не мог поделать с этими странными, не своими движениями. Нахмурив брови, он с трудом подчинил себе руку и дотянулся до выключателя.

— Ларин! Немедленно катапультируйтесь! — отчаянно кричал руководитель испытаний.

Прямо ладонью Ларин вытер мокрое лицо и, откинувшись на спинку кресла, передохнул. Потом нажал кнопку внешней связи.

— Спутник, я Вихрь, — начал Ларин и замолчал, удивляясь тому, каким огромным и неповоротливым стал у него язык.

— Спутник, я Вихрь, — повторил Ларин, старательно выговаривая каждое слово. — Реактор заморожен. Хода не имею. Прошу буксир.

После мгновенья тишины космос взорвался нестройным хором криков. Говорили и кричали разом и руководитель испытаний, и его дублер, и спасательный бот, и даже главная рация старт-спутника.

— Ура!

— Победа!

— Слава Ларину!

А потом глухо прозвучал чей-то слабый, сдавленный голос, и наступила оглушающая тишина. Только шорох далеких и древних инозвездных шумов нарушал ее. И в этой тишине все тот же слабый голос с трудом проговорил:

— Ан... Ан... Андрей Николаевич!

Ларин узнал голос Шегеля. И мягко, устало улыбнулся.

